

Десять лет назад книгоиздательство «Искусство» выпустило том воспоминаний и размышлений Михаила Ульянова под названием «Работаю актером». Это не первая и не последняя, но, по-моему, лучшая из его автобиографических книг. На обложке — Ульянов в роли Ричарда III, принявший немислимую для мемуариста позу: автор и герой сидит спиной к читателю. Меж лопаток, как полагается по роли, горб — который, впрочем, не кажется физическим уродством. Это горб не калеки, а труженика: гордого тем, что его работа тяжела и не каждому под силу, что он, как говорится, вынес на своем горбу — и так далее.

На форзаце — Ульянов после спектакля: облокачившийся о примерный столик, донельзя усталый, потный, измочаленный ролью. Однако не размякший, наоборот, подобранный: цепкий взгляд, слегка нахмуренные брови, крепко сжатые губы. Руки ослаблены, но если вдруг придется стукнуть кулаком по столу — всегда пожалуйста, и не без удовольствия.

Крепкий, ладный, умный мужик-самородок: из тех, которые диалектику учат не по Гегелю, дружат насмерть, любят с хрустом. Само воплощение естественности: Ульянов верит и заставляет верить, что слова «натуральность» и «талантливость» — почти синонимичны. Именно поэтому его художественные пристрастия заслуживают особого внимания: кого уважает, с кем заочно состязается, кого хотел бы напоминать собою этот, в полном смысле слова, народный артист?

Попробуйте, не заглядывая в следующий абзац, угадать первое из имен, названных в книге Михаила Ульянова, — его личный творческий идеал. Это не так сложно, как может показаться. Нужно лишь вспомнить: кто из актеров играл в кино незабываемую роль мужика-рыцаря, народного полководца, природного мудреца?

Ну разумеется: Борис Бабочкин. «...Роль, подобная Чапаеву, — пишет Ульянов, — редка, полна в своем роде величия — ее ни с чем сравнивать невозможно. И тем не менее актер продолжает жить, должен работать. (...) Несмотря на страшный диктат роли Чапаева, он продолжал много и упорно, жестко и беспощадно трудиться и в кино, и в театре».

Много и упорно, жестко и беспощадно — это сказал человек, знающий свое дело и — чего уж скрывать — надеющийся примерно то же самое услышать о собственной жизни в искусстве. Ульянов находит замечательно тонкие и емкие слова и каждое из них как будто примеряет к себе.

«Он был художником настойчивым и не сомневался никогда в найденном решении, не колебался в исполнении», — да, я такой же. «Какая неторопливость, какая поразительная скупость в средствах и какая глубина, какой богатейший, какой интереснейший внутренний мир!» — да, это и про меня тоже. Но все-таки Михаилу Ульянову не хватает дерзости выдать главный из секретов. Он не в силах сказать, что Борис Бабочкин был актером-интеллектуалом: утонченным, благовоспитанным, изысканным.

Чапаев Чапаевым, а на сцене Малого театра Бабочкин гениально сыграл чеховского Иванова. Об этой роли Ульянов никогда и не мечтал, но она осталась в его актерской судьбе томящим привкусом, неслучайным намеком. У Михаила Ульянова хватило такта на то, чтобы не покушаться на подобные роли. На то, чтобы

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Лидеру театра им. Вахтангова — 70 лет

сделать свою, не без труда доставшуюся, интеллигентную и свой артистизм периферийными, неброскими свойствами. Он рискнул выбрать не чарующую уникальность, а общепонятную правильность: умение быть таким, как все. Остается только объяснить: почему Ульянов — «такой, как все», образцово обыкновенный — оказывался захватывающе интересен в каждой актерской работе?

В ролях Ульянова и в самой его судьбе на удивление много предсказуемого, ясного заговора. Знакомая с его биографией, быстро привыкаешь кивать на каждом повороте: угу, еще бы — все именно так и должно было случиться. Ну в самом деле: где мог появиться на свет этот серьезный, коренастый, рано заматеревший (и, судя по фотографиям, очень похожий на своего отца) парень? Первая, ни малейшего напряжения не требующая догадка: небось в Сибири. И действительно так: в деревянном городке Тара, на берегу Иртыша — разумеется, «с белыми, как головы сахара, церквями». Похвалив свою малую родину, вписав город в сибирский пейзаж, мемуарист тут же оговорится: «Вблизи он был не так уж и красив». Но ведь и эту оговорку можно предугадать без труда.

Все, что скажет Ульянов, знаешь заранее, как только он объявляет тему. Узнаваемы все слова про «особый тип человека — сибиряка-труженика». Прочистных, простых родителей, про холодный февральский день, когда сын-артист «прилетел в Тару и под свист разбушевавшейся пурги проводил маму в последний путь». Про то, как Ульянову «не хватает в зрительном зале самого дорогого зрителя, самого нужного и самого близкого» — и так у него всю жизнь: почти в каждой роли и на каждой странице воспоминаний.

Тем не менее кто заподозрит здесь дешевый штамп — фальшивую, принудительную проникновенность официоза — будет глуп и нечестен. Нужно понять: актер Михаил Ульянов тем и удивителен, что его лич-

ная, безоговорочная правда умела до конца совпадать с общей. Даже отъявленный лстец не посмеет назвать Ульянова гением; даже злейший завистник не упрекнет его за чрезмерную правильность биографии — за инстинкт лидерства, за ортодоксальность, за делегатство и депутатство, за звания и награды, за безущербное слияние актерской личности и общественной должности. За то, что он в народном мнении сравнялся с Бабочкиным, сыграв маршала Жукова, — и получил все причитающиеся льготы.

«...Я считаю, что роль Георгия Константиновича Жукова не сыграна. По существу, я представлял символ. Не характер», — говорит Ульянов без тени актерского кокетства. Но он понимает, что это и было задачей: надо представить символ. Кому надо? Ясное дело, кому: народу.

На сцене и на экране 60, 70, 80-х годов Михаил Ульянов был одним из самых отчетливых воплощений мужественности — не столько ярким, сколько весомым, основательным. Простак — да, если угодно, но простак, пре-

восходно владеющий словом, оружием умников; обладающий даром риторической убедительности, честной и яростной. Прирожденный лидер, но в то же время надежнейший партнер: органически неспособный подвести, закапризничать, нарушить спланированный ход игры. Как замечательно он умеет слушать собеседника — неторопливо взвешивая каждое слово по отдельности, примеряя к какой-то своей, изначально заданной правде, к твердому здравому смыслу. Убедить в чем-либо такого человека чертовски трудно, но если уж он во что-то поверил — не отступится и под пыткой.

Многие вспоминают, что репетировать с ним было мучительно, зато играть — хорошо и удобно. И председателем Союза театральных деятелей он был таким, как надо: умным, волевым, порядочным. Вспылить попусту он, конечно, мог, но при этом помнил, что главная его задача — не допускать развала. И благодаря ему Союз не развалился.

Ульянов — полномочный представитель большинства, его чрезвычайный посол в искусстве. Это отважная, редкая судьба и, по-своему, она не менее крупна, чем умопомрачительные творческие взлеты гениального артиста-индивидуалиста (примера ради назовем величайшего из них, опередившего Ульянова на поколение и бывшего, в известном смысле, антиподом — Иннокентия Смоктуновского). Гений — исключение из всех мыслимых правил; творческой задачей Ульянова всегда было прямо противоположное — старательно и крепко утверждать правило.

Впрочем, мы окажемся непростительно близоруки, если сведем актерскую правду Михаила Ульянова к заземленной, по-мужицки осанистой — если угодно, противоромантической — героике. Ее он умел играть и понимать лучше всех — вровень с Шукшиным, которого истово любил, но с той разницей, что Ульянов для себя навсегда предпочел образ мужика-начальника: делового, а не трагичного. Так он сыграл Георгия Жукова, Егора Трубникова в «Председателе», гнусавого Друзанова в «Дне-деньском», да, впрочем, и горьковского Булычева. Можно заметить, что великие исторические сюжеты — судьбу Антония, Цезаря, Ричарда, Наполеона — Ульянов решал на том же крайнем «противоромантизме», но уже здесь становится очевидно: звучание лейтмотива определяют обертоны.

Михаил Ульянов — при всей его сибирствующей органичности — образцовый актер вахтанговской школы. То есть виртуозен в экцентрике, в куражливом артистизме и даже (что хорошему, крутому мужику не в жилу) в иронии, ставящей весь мир под сомнение. Поэтому, сыграв Ленина в «Человеке с ружьем», он сумел сыграть и смехотворного Сталина в «Уроках мастера». Поэтому среди ульяновских ролей, победно входящих в историю актерского искусства, имеют место булгаковский генерал Чарнота, актер Шмага из «Без вины виноватых», ну и, конечно, великолепный Тарталья в «Принцессе Турандот». Было бы интересно понять, как озорство и изысканство Ульянова-комика контрабандой подпитывали роли Ульянова-героя, как помогали и как мешали ему жить недовостребованные актерские свойства. Но это уже тема не статьи, а книги — которая, смеем надеяться, будет кем-нибудь написана. И даже, быть может, будет прочитана ее героем вопреки фразе, выкрикнутой в кинофильме «Тема» от души и со вкусом:

— А на критиков я — плевал!

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Губинский Александр

26.11.97